

Р. В. ПЛЕТНЕВ

Федор Иванович Тютчев

Ф. И. Тютчев родился 18 XII 1803 г., а скончался 27 VII 1873 года. Исследователи — Д. Благой, К. Чуковский, К. Пигарев — достаточно подробно осветили его биографию. Прославился Тютчев, главным образом, лишь во второй половине 19-го века, хотя некоторые его стихотворения были напечатаны еще при жизни Пушкина в журнале «Современник» (1836 год)!

По формальным особенностям своего стиха Федор Иванович принадлежит к классической, пушкинской плеяде, как Батюшков или А. Хомяков; по мироощущению, по своим чувствам он скорее соприкасается с группой символистов 20-го века; по идейному содержанию своей поэзии и прозы Тютчев ближе всего к политической и философской концепции славянофилов. Он, пожалуй, самый философский ум в русской лирике 19-го века, поэт-мыслитель.

Архивные данные показывают, что фамилия «Тютчев» происходит от итальянского слова *dudji* — Дож.

Венецианец по крови прибыл в Россию, вероятно, в 14-м веке и позднее породнился в ряде потомков с большой русской знатью; ряд столетий превратил Дуджи в Тютши — Тютчева.

Ф. Тютчев подолгу жила за границей. Более двадцати лет провел на дипломатической службе, часто годами жил в Германии. Обе жены его — немки. Дружил он и с выдающимися людьми Запада (Шеллинг, Гейне и др.). Влияние Ф. Шеллинга можно обнаружить и на его поэтическом творчестве, а равно Баадера и Я. Бёме.

Одинаково легко и свободно Тютчев писал свои стихи по-немецки, по-французски и по-русски. Но все значительное и высокохудожественное написано поэтом только на русском языке.

Вторую половину своей жизни Тютчев провел в России, занимая высший пост в Комитете иностранной цензуры.

Так как Тютчев был природой очень влюбчивой, да притом сравнительно рано овдовел и женился второй раз, то он легко влюбился в России в гувернантку, классную даму своих детей — институтку Денисьеву. На 49-м году жизни поэта эта любовь была и его счастьем, и несчастьем. Жениться он не смог: дети... положение в свете, слабость воли... Измучив и себя, и Денисьеву, он пережил и ее и умер глубоким стариком, еще раз, кажется, влюбившись¹.

Кроме лирически-вдохновенной поэзии, тонкого понимания германской «натурфилософии» и искусства, кроме содержательных полемико-славянофильских статей, в жизни Тютчева сыграл большую роль и его независимый и колкий язык. Как пример приведу его эпитафию Николаю Первому:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые —
Все было ложь в тебе, все — призраки пустые,
Ты был не царь, а лицедей!

И людей своего круга Тютчев высмеивал и дразнил, хотя эти поступки сильно-таки мешали порой успешности его карьеры при дворе и в дипломатических кругах. Редко кто решался и умел так «пришпилить» одной фразой, как слабенький, щупленький старичок, — Ф. И. Тютчев. Например, о внушительно-го вида, но пустяково-пустом министре — князе Горчакове поэт сказал: «Фасад великого человека» и... «Нарцисс собственной чернильницы».

Все значение поэтического таланта Тютчева первым понял И. С. Тургенев, написавший восторженную критику на первый и единственный сборник стихов поэта, изданный Н. Некрасовым в 1856 г.

Позднее о значении тютчевского символизма и его мироощущении писал и В. Соловьев (1895 г.). В наши дни и в СССР, и за границей писалось немало о Ф. Тютчеве. Упомяну работу Ю. Тынянова; за границей — статьи С. Франка (по-немецки) и серьезную, богатую эрудицией статью Д. Чижевского². Интересна и критика поэзии Тютчева, данная И. Тхоржевским. Я тоже посвятил один этюд поэзии Жуковского—Пушкина—Тютчева. Уже седым стариком Лев Толстой спокойно и веско заметил: «Без стихов Тютчева жить нельзя... Я не знаю лучше стихотворений».

Великое дарование поэта и особенности его таланта так некогда описывал И. С. Тургенев: «Неподдельность вдохновения,

счастливая смелость выражений, поэтическое дуновение, веющее от страниц Тютчева... соразмерность таланта с самим собою и ответственность его с жизнью автора... Искренность вдохновения...»

Конечно, Тютчев не поэт толпы, не кумир молодежи. Он требует зрелой тонкости восприятия, искусственной и отточенной жизнью и философией мысли. Тургенев остроумно сказал о поэзии Тютчева, что фиалка не распространяет свой аромат на двадцать шагов вокруг себя, — к ней нужно подойти и приблизиться, чтоб насладиться ее благоуханием.

Наш современник, И. Тхоржевский, заметил: «Тютчев редко нравится молодым людям: нет натиска, нет позы и крика... Есть три вечных струи в искусстве: реализм—романтизм—символизм. В поэзии, — как и в человеческой мудрости, — раннему детскому возрасту соответствует наивный, непосредственный натурализм; даже сказочное, мечтательно рисуется в виде вкусных “золотых яблок”. Юность — пора романтизма, душевных бурь... В зрелости — верх берет вновь реализм, но уже просветленный опытом... Наконец... торжествуют символы. Искусство и разум ищут смысл всего пережитого»³.

Хорошо выразил эту мысль, но несколько иначе, поэт Жемчужников о старческой просветленности духа:

Чужд беспокойному страсти недугу,
Ведая тихую радость одну,
Словно хожу по цветущему лугу,
Но ни травы, ни цветов уж не мну...⁴

Тютчев, пожалуй, тут сложнее. Полной отрешенности от грубо земного в нем не было. Он восхищается миром, его красотой, — но чувствует и его преходящесть и хаос под покровом форм, как и глухое, постоянное кипение страстей в своем сердце. И нежность, и грусть порой становятся сильными страстями...

За блещущим покровом дня таится «стокая ночь», страшные бездны окружают нас, бездны пространств и бездны духовных провалов, где «демоны глухонемые ведут беседу меж собой».

Редко кто из мировых поэтов умел так своеобразно, сжато и ясно изобразить красоту природы и особенность параллельных ощущений:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней!
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней...

Полнеба охватила тень,
Лишь там, на западе, брежжит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись очарованье.

Мудро-грустные строфы сказал поэт о страждущей (женской) душе, думая, вероятно, о Денисьевой:

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.
Когда на то нет Божьего согласия, —
Как ни страдай она, любя,
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя, —

то есть спастись страданьем.

Некоторые стихи Тютчева о природе («Сумерки», «Весенние воды», «Весна», «Люблю грозу», «Альпы», «Не то, что мните вы, — природа» и т. п.) просто поражают нас остротой и свежестью чувства, блещут по-новому употребленным церковнославянскими или удачно подобранным сравнением. Он понимает и «страсти, и язык» природы, ее мощь, и свободу, и душу. Говорят, на столе поэта была прекрасная статуэтка «Геба с чашей». Для Тютчева классический мир не был книгой за семью печатями, он понимал и ценил древних. Вот откуда и строки о майской грозе:

...Ты скажешь, ветряная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Классические образы, персонификация явлений природы встречаются не раз в его стихах:

Над волной темнолазурной
Вечер пламенный и бурной
Обрывает свой венок...

Или превращение бледного дневного месяца в сияющее светило ночи:

На месяц глянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог...

Настала ночь, — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Тютчеву представился и конец мира, но не в огне, а в новом космическом потоке:

Когда пробьет последний час природы, —
Состав частей разрушится земных,
Все зримое опять покроют воды;
И Божий лик изобразится * в них.

Тютчев был чуток и к людскому горю, к тем горьким слезам, что не сохнут, а льются, как водяная капель.

В один холодно-промоглый день в С.-Петербурге, когда лил дождь и все было такое серое, блеклое, одиноко мокнущее, ехал он на бедном извозчике. Лошадь была худая, жалкая, а у извозчика, видно, было большое, горькое горе. Приехав домой, Тютчев быстро прошел в свой кабинет и набросал свое известное стихотворение о человеческих слезах:

Слезы людские, о, слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Тютчев был и политическим мыслителем. В молодости он написал, что в мире (Европе, главным образом), борются две силы: сила разрушения, революции и сила порядка, религии, веры, — во главе с Россией и ее христианином-мужиком и Царем на престоле. Тютчев, подобно многим народникам и «почвенникам» **⁵, обожествлял страдающего мужика, землепашца; Христос исходил-де всю Русь сермяжную и благословил ее. Это было родом идолопоклонства, по-моему, ничем не оправданного. Но поэт, один из первых, понял и с большой глубиной чувства отозвался на вопрос атеизма как основы революции. Тютчев словно предвидел и провидел очень точно многое, но, с другой стороны, легко увлекался и принимал желаемое за сущее. Конечно, при всем уме, образовании и опыте, он — поэт, а не государственный деятель, писатель-художник, а не ученый мыслитель. В нем жил романтик до седин.

1966

* Ср. в оде «Бог» Державина: «Во мне себя изображаешь, как солнце в малой капле вод».

** Термин, изобретенный А. Григорьевым и подхваченный Фед. Достоевским 60-х годов.